

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Железный крест (Tyskungen)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

КАМИЛЛА
ДЖКБЕРГ

ЗОЛОТАЯ
КАЕТКА

Москва
2019

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
EN BUR AV GULD

Copyright © 2019 Camilla Läckberg. First published by
Bokförlaget Forum, Sweden. Published by arrangement with
Nordin Agency AB, Sweden

Фото автора на форзаце *Magnus Ragnvid*

Лэкберг, Камилла.

Л92 Золотая клетка / Камилла Лэкберг ; [перевод
с шведского Ю. В. Колесовой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-105558-5

С раннего детства Фэй привыкла всего добиваться сама – ведь помощи ей ждать было не от кого. Приехав в Стокгольм из маленькой Фьельбаки, она поступила в престижный экономический вуз и стала там одной из лучших. Вместе с будущим мужем создала очень успешную компанию, придумав для нее блестящий старт-ап. Стала женой одного из самых богатых бизнесменов страны. Теперь у нее есть всё. Но «всё» – это не только хорошее... Она сама построила для себя золотую клетку, ключ от которой в руках ее мужа. Чем дальше, тем меньше он ее замечает, тем больше издевается над ней, изменяет. Для него Фэй стала чем-то вроде экзотического попугая, которого в любой момент можно завесить тряпкой, чтобы не слышать и не видеть. Вот только сама она считает иначе. Мужу еще предстоит узнать, что нет ничего страшнее оскорбленной женщины...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-105558-5

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ I

— *Может быть, она просто ранена?*

Она сидела, глядя в стол, не в силах встретиться с ним глазами.

Краткое сомнение. Потом сочувствующий голос:

— *Там очень много крови. Из такого маленького тела... Но я не хочу строить догадки, пока врач не сделал заключение.*

Фэй кивнула. Ей дали воду в прозрачном пластиковом стаканчике, она поднесла его к губам, но все тело сотрясало, так что несколько капель упали на подбородок, вода стала стекать на блузку. Светловолосая женщина-полицейский с добрыми голубыми глазами подалась вперед и протянула ей салфетку.

Фэй медленно вытерлась. От воды на шелковой блузке останутся некрасивые пятна. Словно это имеет какое-то значение...

— *У вас нет никаких сомнений? Вообще никаких?*

Женщина-полицейский переглянулась с коллегой, потом покачала головой и ответила, тщательно подбирая слова:

— *Как я уже сказала: врач должен сделать заключение исходя из того, что обнаружено на месте преступления. Но на нынешнем этапе все указывает на одно: ваш бывший муж Як убил вашу дочь.*

Фэй закрыла глаза и подавила всхлип.

Жюльенна наконец-то заснула. Волосы разметались по розовой наволочке. Дыхание стало ровным. Фэй нежно погладила ее по щечке — осторожно, чтобы не разбудить дочь.

Сегодня вечером Як должен вернуться из Лондона. Или из Гамбурга? Фэй точно не помнила. Вернется уставший и задерганный, как всегда после деловой поездки, но она позаботится о том, чтобы он расслабился.

Осторожно закрыв дверь спальни, чтобы не разбудить Жюльенну, она выскользнула в холл и проверила, заперта ли входная дверь. В кухне провела рукой по столешнице. Три метра белого мрамора. Каррарского, ясное дело. К сожалению, это оказалось весьма непрактично, ибо пористый мрамор впитывал все, как губка, — на нем уже образовались некрасивые пятна. Однако Як и слышать не хотел о том, чтобы выбрать нечто более приземленное. Кухня в квартире на улице Нарвавеген обошлась примерно в миллион — не сэкономили ни на чем.

Потянувшись за бутылкой «Амароне», Фэй выставила на столешницу бокал. Стук бокала о мрамор, бульканье вина — вот к чему сводилось ее существование в те вечера, когда Як отсутствовал. Осторожно налив себе красного вина — чтобы оно не пролилось,

оставив очередное пятно на белой мраморной поверхности, — она закрыла глаза, поднося бокал ко рту.

Уменьшив освещение при помощи диммера, вышла в прихожую, где красовалась черно-белая фотография ее, Жюльенны и Яка. Снимок сделала Кате Габор — неофициальный придворный фотограф, которая каждый год делала новые обворожительные фотографии королевских детей, играющих среди осенних листьев в невероятно белой одежде. Они с Яком решили сделать летние фото. Оба стояли на пляже у кромки воды — веселые, раскрепощенные. Жюльенна — между ними, с растрепанными ветром светлыми волосами. Разумеется, все в белом. Сама Фэй — в простом льняном платье от «Армани», Як — в рубашке и закатанных штанах от «Хьюго Босс», Жюльенна — в кружевном платье из детской коллекции Стеллы Маккартни. Прямо перед фотосессией они поругались. Фэй уже не помнила, из-за чего, знала только, что сама была виновата. Но на портрете — никаких признаков ссоры.

Фэй поднялась по лестнице. Застыла у двери в кабинет Яка, но потом все же открыла ее. Комната располагалась в башне с видом на все четыре стороны света. «Уникальный план, уникальный дом», — как сказал маклер, показывавший им квартиру пять лет назад. Жюльенну она тогда носила под сердцем, а в голове теснились самые светлые картины будущего.

Эту комнату в башне Фэй очень любила. Открытое пространство и свет изо всех окон давали ей ощущение полета. А сейчас, когда за окнами повисла непроходимая тьма, смыкающиеся к потолку стены окружали ее, словно теплый кокон.

Кабинет обставляла она — как, впрочем, и всю квартиру. Выбирала обои, книжные шкафы, письменный стол, фотографии и произведения искусства на стенах. И Яку понравилось то, что она создала. В ее вкусе он никогда не сомневался, к тому же всегда без-

гранично гордился ею, когда гости просили телефон их дизайнера.

В эти мгновения он позволял ей сиять в лучах славы.

Если все остальные комнаты были обставлены в современном стиле — светлые и воздушные, — то кабинет Яка выглядел более тяжелым и мужественным. На обустройство этой комнаты Фэй потратила больше сил, чем на детскую для Жюльенны и все остальную квартиру, вместе взятые. Здесь Як будет проводить много времени, здесь будет принимать важные решения, влияющие на будущее их семьи. Самое малое, что она могла сделать, — создать для него этот оазис, почти под облаками.

Фэй с удовлетворением провела рукой по письменному столу Яка, который выиграла на аукционе Буковски, — когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як был не особым ценителем Бергмана, предпочитая боевики с Джеки Чаном или комедии с Беном Стиллером, но ему, как и ей, нравились вещи с историей.

Когда они показывали квартиру гостям, он всегда похлопывал по столу ладонью и упоминал — как бы между делом, — что этот прекрасный предмет мебели стоял когда-то в доме всемирно известного кинорежиссера. Каждый раз, когда он так делал, Фэй улыбалась, потому что, произнося эти слова, Як обычно смотрел ей в глаза. Это было еще одно из тысячи мгновений, объединявших их в жизни. Эти доверительные взгляды, крошечные незначительные и значительные события, из которых складывались отношения...

Опустившись в кресло перед компьютером, Фэй повернулась вполборота и оказалась лицом к окну. За стеклами падал снег, превращаясь где-то далеко внизу в грязь на асфальте. Подавшись вперед и глянув вниз, она увидела, как в темноте февральского вечера пробирается машина. На углу Банергатав во-

дитель повернул руль и исчез в направлении центра. На мгновение Фэй забыла, зачем пришла, почему сидит в кабинете мужа. Так легко раствориться в темноте, когда тебя гипнотизируют снежинки, падающие сквозь черноту...

Поморгав, она уселась прямо и вернула кресло в прежнее положение, оказавшись лицом к огромному монитору, тронула мышь — и экран ожил. На мгновение Фэй задалась вопросом, что Як сделал с ковриком для мыши, который она подарила ему на Рождество, — с фотографией ее и Жюльенны. Вместо этого у него был теперь некрасивый синий коврик с логотипом «Нордеа». Подарок клиентам, воспользовавшимся услугами персонального банковского обслуживания.

Пароль она знала — «Julienne2010». Во всяком случае, на экране в качестве заставки у него не «Нордеа», а та фотография, где он снял ее с Жюльенной в Марбелле. Они лежали в полосе прибой, Фэй подняла дочь над собой на вытянутых руках, к синему небу. Обе смеялись, но смех самой Фэй скорее угадывался, поскольку она лежала на спине, а волосы ее рассыпались по песку. Синие глаза Жюльенны смотрели прямо в объектив фотоаппарата. В глаза Яка — такие же синие.

Подавшись вперед, Фэй оглядела свое тело на снимке — загорелое, глянцевое от соленой воды. Хотя после родов прошло всего несколько месяцев, она была в лучшей форме, чем сейчас. Живот плоский. Руки тонкие. Бедра стройные и упругие. Сейчас, спустя три года, она весила килограммов на десять больше, чем тогда в Испании. А то и на все пятнадцать. Давно уже она не решалась встать на весы...

Оторвав взгляд от своего тела на экране, Фэй открыла браузер, зашла в историю просмотров и написала в окошке поиска слово «порно». На экране один за другим появились ссылки, в хронологическом по-

рядке. Как легко отследить сексуальные фантазии Яка за последние месяцы! Просто энциклопедия его страстей. «Сексуальные фантазии для чайников».

26 октября он посмотрел два клипа: «Русских девчонок трахают большим членом» и «Тощую девчонку брутально трахают». Как ни относишься к порноиндустрии, но названия фильмов были предельно конкретными. Никаких экивоков. Никаких попыток приукрасить, смягчить, затушевать то, что будет показано и чего ищет потенциальный зритель. Прямой диалог, открытая и честная коммуникация.

Сколько она его помнит, Як всегда смотрел порнуху — да она и сама иногда смотрела, когда оставалась одна. Фэй презирала подруг, которые утверждали, что их мужьям и в голову не пришла бы мысль смотреть порно. Типичный пример психологического механизма вытеснения.

Прежде увлечение Яка порнографией не влияло на их интимную жизнь. Мужа хватало и на то, и на это. Но теперь он больше не приходил к ней, хотя продолжал искать удовлетворения у «тощих девчонок».

Спазм в животе нарастал с каждым клипом. Девочки были все, как на подбор, юные, стройные и покорные. Яку всегда нравились молодые и стройные. Не он изменился — изменилась она. Разве не таких женщин хочет большинство мужчин? Когда живешь в Эстермальме¹, о старении и прибавке веса даже речи быть не может. Во всяком случае, если ты — женщина.

В последний месяц Як раз семь-восемь смотрел один и тот же клип. «Школьницу брутально трахает учитель». Фэй нажала на «воспроизведение». Совсем юная девчушка в короткой клетчатой юбочке, белой рубашке, галстукe, гольфах и косичках в духе Пеппи Длинныйчу-

¹ Эстермальм — один из самых фешенебельных районов Стокгольма. — *Здесь и далее прим. пер.*

лок страдает от проблем в школе. Самые большие трудности у нее с биологией. Встревоженные ответственные родители нанимают ей репетитора и оставляют ее одну дома. В дверь звонят. Появляется мужчина лет сорока, в пиджаке с заплатками на локтях, с портфелем в руке. Они заходят в светлую просторную кухню. Девочка приносит учебники, открывает на нужной странице. Они повторяют мышцы человеческого тела.

— Я буду называть мышцы, а ты будешь показывать их на себе — справишься? — говорит учитель бархатным голосом.

Девочка делает большие глаза, кивает и оттопыривает губки. Две мышцы она показывает правильно. Когда он называет *gluteus maximus* — большую седалищную мышцу, девочка слегка приподнимает юбочку, так что в кадре виднеется кружево на трусиках, и показывает внешний край паховой складки. Учитель с улыбкой качает головой.

— Встань, я покажу, — говорит он.

Она отодвигается вместе со стулом и встает. Он протягивает свою большую руку и медленно ведет ею по ноге девочки от колена вверх, под юбку. Задирает юбку еще выше и отводит в сторону край трусиков. Заводит туда палец. Девочка стонет. Идеальный порностон. Однако с намеком на изумленную невинность и легкое чувство вины. Признание зрителю, что она понимает — ей не следует так себя вести. Это запрещено. Но она не может сдержаться. Искушение слишком велико, чтобы устоять.

Он вводит в нее палец и движет им туда-сюда. Потом кладет ее на стол и трахает. Она кричит, стонет, царапает стол. Просит еще. Все заканчивается тем, что он просит ее снова надеть очки — упавшие в процессе — и кончает ей на лицо. С лицом, искаженным от наслаждения, и полуоткрытым ртом школьница принимает в себя сперму.

Где еще, как не в порнофильмах, с такой ясностью показано, как высоко мужчины ценят свою сперму. Ее выдают исполненным страсти, восторженным женщинам с полуоткрытыми ртами, словно самый драгоценный дар.

Фэй выключила компьютер, кликнув пару раз мышью по уродливому коврику с логотипом «Нордеа». Если Яку нужно такое, то он это получит.

В гардеробной у Фэй нашлось все необходимое. Она взглянула на часы. Половина десятого. Самолет Яка вот-вот приземлится, скоро муж сядет в такси. Само собой, в Арланде у него VIP-класс обслуживания, так что от аэропорта он доберется быстро.

Она быстро приняла душ и сбрила небольшую щетину на лобке. Ополоснув все тело, накрутилась — не так, как делала это обычно, а небрежнее, по-молодежному. Обильно нарумянила щеки, не пожалела туши и — как вишенка на торте — обвела губы ярко-розовой помадой, которую нашла на дне ящичка с косметикой и которую наверняка получила в пакетике с рекламной продукцией на каком-то мероприятии.

Як получит не ее — не Фэй, свою жену, мать своего ребенка, — а другую, молодую, нетронутую. Как раз то, что ему нужно.

Выбрав один из тонких серых галстуков Яка, Фэй завязала его небрежным узлом. Надела очки для чтения, которыми он стеснялся пользоваться при других и потому прятал, когда к ним приходили гости. Прямоугольные, черные, от «Дольче и Габбана». Фэй оглядела в зеркале конечный результат. Она выглядела на десять лет моложе. Такой она была, когда уезжала из Фьельбаки.

Ничья жена. Ничья мать. Идеально.

Фэй проскользнула в комнату Жюльенны, чтобы взять одну из ее тетрадок и карандаш с розовой бахромой. На мгновение замерла, когда дочь забормотала

во сне. Проснулась?.. Нет, вскоре вновь послышалось размеренное дыхание.

Фэй зашла в кухню, чтобы подлить себе еще вина, но потом остановилась и выдвинула ящик с пластиковыми стаканчиками Жюльенны. Достала большую кружку с крышкой и трубочкой и с изображением Хэллоу Китти на боку, налила себе в нее красного вина. Супер.

Когда в замке повернулся ключ, Фэй сидела и листала «Экономист» — журнал, который Як упорно клал на видном месте. В семье его читала только она.

Як поставил на пол чемодан, снял ботинки и засунул в них кедровые колодки, необходимые, чтобы сохранить форму его итальянских ботинок ручной работы из мягкой кожи. Фэй сидела неподвижно. В отличие от ее обычного сдержанного блеска для губ от «Ланком», розовая помада прилипла к губам и издавала синтетический запах.

Як осторожно открыл холодильник. Ее он все еще не заметил. Двигался тихо — видимо, думал, что они с Жюльенной спят.

Фэй наблюдала за ним со своего места в неосвещенной гостиной. Как посторонний, заглядывающий в окно, она могла наблюдать за мужем, когда тот не подозревал об этом. Обычно Як всегда пребывал в напряжении. Сейчас, когда думал, что его никто не видит, он и двигался по-другому — раскрепощенно, почти небрежно. Его обычно такая статная фигура слегка ссутулилась — не сильно, но достаточно, чтобы жена, так хорошо его знавшая, заметила разницу. Лицо разгладилось, исчезла озабоченная морщинка, которая в последнее время все чаще появлялась между бровей — в том числе и в ситуациях неформального общения, так тесно связанных с его карьерой, с их жизнью, где смех и звон бокалов могли привести к многомиллионной сделке, заключенной на следующий день.

Она вспомнила Яка молодым, когда они только-только познакомились. Лукавый взгляд, радостный смех, ненасытные руки, постоянно прикасавшиеся к ней...

Свет из холодильника осветил лицо Яка — Фэй не могла оторвать от него глаз. Она любила его. Любила его широкие плечи. Любила его большие руки, которые сейчас взяли пакет с соком и поднесли ко рту. Скоро они будут прикасаться к ней... Боже, как она соскучилась!

Вероятно, от вожделения Фэй слегка пошевелилась, потому что муж внезапно повернулся лицом к блестящей дверце духовки и увидел отражение ее фигуры. Вздрыгнув, он резко обернулся, все еще держа в руке пачку сока. Потом отставил ее на кухонный островок.

— Ты не спишь? — спросил он. Между его красивых бровей вновь пролегла морщинка.

Фэй не ответила, молча поднялась и приблизилась к нему. Его взгляд скользил по ее телу. Давно он не смотрел на нее такими глазами.

— Иди сюда, — мягко проговорила она.

Як закрыл дверь холодильника, и кухня вновь погрузилась во мрак. Но свет огней города освещал все достаточно, чтобы они могли видеть друг друга. Обогнув кухонный островок, он обтер губы тыльной стороной ладони и наклонился, чтобы поцеловать жену. Но Фэй отвернула лицо и силой усадила его на стул. Сейчас дирижировать будет она. Оттолкнула его руку, потянувшуюся к ее юбке, и в следующую секунду приложила его ладонь к своим коленям. Задрала юбку, чтобы муж мог увидеть ее кружевные трусики в надежде, что он их узнает — увидит, что они такие же, как у той, юной и невинной.

Его рука скользнула вверх, и она не смогла сдерживать стон. Вместо того чтобы отодвинуть трусики

в сторону, как в фильме, Як сорвал их. Она снова застонала, уже громче, склонилась к столу, выгнула спину, пока он расстегивал брюки, стянув их вниз одним рывком вместе с трусами. Взяв ее за волосы, пригнул ниже к столу. Налег на нее всей своей тяжестью, целуя и кусая ее в затылок — она ощутила запах апельсинового сока, смешанного с виски из самолета, — решительным движением раздвинул ее ноги, встал позади и вошел в нее.

Як брал ее сурово и агрессивно, и с каждым толчком край стола врезался ей в диафрагму. Он делал ей больно, но боль казалась облегчением, заставлявшим ее забыть обо всем, сосредоточиться на наслаждении.

Она принадлежит ему. Ее наслаждение принадлежит ему. Все ее тело принадлежит ему.

— Скажи, когда будешь кончать, — простонала Фэй, прижимаясь щекой к холодной крышке стола, на которой остались липкие следы от помады.

— Сейчас, — пропыхтел Як.

Она встала перед ним на колени. Тяжело дыша, он ввел свой член ей в рот. Схватив ее за затылок обеими руками, стал протискиваться глубже. Борясь с рвотным рефлексом, Фэй изо всех сил старалась не отвернуть голову. Принимать. Всегда покорно принимать.

Она видела перед собой сцену из порнофильма и, когда Як кончил, с наслаждением увидела на его лице то же выражение, которое было у учителя, когда он брал юную невинную девочку.

— Добро пожаловать домой, мой дорогой, — проговорила Фэй с вымученной улыбкой.

Это был один из последних случаев их интимной близости в браке.